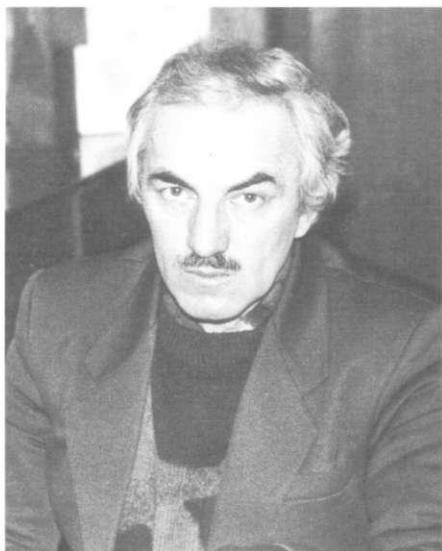

P6
E72

Евгений Ермаков

РУССКИЙ
ВЕНОК

Евгений Ермаков

РУССКИЙ
ВЕНОК

Муниципальное учреждение
культуры
“Централизованная
библиотечная система”

Барнаул – 2006

ББК 84 (2Рос-Рус)6-5
Е 721

*Автор выражает глубокую благодарность
новокузнецкому поэту Борису Рахманову
за редактирование той части «Русского венка»,
которая была написана в Кузбассе.*

Ермаков Е.А.
Е 721 Русский венок: Стихи. – Барнаул:
ООО «Агентство рекламных технологий –
А.Р.Т.», 2006. – 92 с.

ISBN 5-9749-0013-8

© Е. Ермаков, 2006

Об авторе

Ермаков Евгений Анатольевич, русский, родился 3 августа 1948 г. в республике Башкортостан.

В 1967 г. окончил вечернюю школу рабочей молодежи № 1 г. Павлодара. Учился в институте. Служил в Армии. Работал на предприятиях г.г. Павлодара, Целинограда (Астана), Киселевска (Кемеровская область).

В Барнауле – живет с 2003 г.

Автор двух поэтических сборников «Лестница вдохновения» и «Перо зари». Публиковал свои лирические и юмористические стихи в журналах «Огни Кузбасса», «Крокодил», «Шмель», «Барнаул» и «Алтай».

Участник краевого литобъединения «Спектр» (Дом писателя, Барнаул) и «Литературного кафе» при ГМИЦ (Барнаул).

В «Русский венок» вошли новые стихотворения поэта.

Откровение боли

Вообще-то Евгений Ермаков – человек глубоко ироничный. Насколько я его знаю.

Да и как в России без иронии? Без самоиронии – как?

Но в «Русском венке» иронии мало. Почти нет. Есть горечь и неизбывная боль за все, что с нами и в нас, что – с Россией. Здесь все должно быть выстрадано, каждое слово, поскольку

*Всего одна ошибка –
И сломана судьба.*

Крик в себе – всегда невыносим. Хорошо, что стихи, собранные в «Русский венок», выходят в свет. Отныне боль Ермакова станет сопричастна еще чьей-то боли. А разделенная боль – это уже чуточку легче.

*И утихнет неслышимый крик
Присмиревшей беды человечьей.*

До нового откровения. До нового крика в себе. До права на признание:

*И теперь в нашей звездной округе
Можно небо носить на руках.*

Сергей Клюшинников

Равновесие

В центре тяжести России,
Где гречиха отцвела,
Люди русские, простые
Уезжают из села.
Льется дождь и плачут рощи,
Дом осунулся, как дед.
И зачем-то ветер тощий
Еле тащится вослед.
... Сели. «Пазик» покатился
За деревья, за столбы.
Центр тяжести сместился
За околицу судьбы.

* * *

О, Россия!
Снег тающий мчится!..
Жизнь ликует в своей
Новизне!..
Лишь зима,
Укатив за границу,
С холодком говорит
О весне.

Молитва черемухи

Зачем вы меня обнимали,
Хвалили мою красоту
И с жадностью всю обломали,
Когда я стояла в цвету?
По вазам меня растащили,
Устроив себе житьецо.
Как гроздья мои иссущили –
Так кинули их за крыльцо.
Стою, на живых не похожа.
К пощаде зови, не зови...
Шепчу: «Упаси меня, Боже,
От вашей безумной любви!
И в будущей жизни (как ныне!)
Чтоб цвет не сгубил мою плоть:
Колючкой в безлюдной пустыне
Позволь мне родиться, Господь!»

Перед распадом детства

Горели слабо –
Вполнакала,
Но школа средняя
Толкала
Всех нас.
Всех вас,
За часом час,
Из класса
В класс.
Мы улыбались
Виновато,
Но все дошли
До Аттестата!

И покидая
Школьный круг,
На Выпускном
Мы вняли вдруг,

Что жизнь
Вне школы –
Словно ралли,
Что много знаний
Не добрали
Не по вине
Учителей,
А из-за
Праздности своей,
Что равнодушием
К науке
Избаловали
Ум и руки
И ждем событий
Впереди
С беспечной радостью
В груди.

* * *

Широкое лето степное.
В июне пожухла трава.
Озера осушены зноем
И люди скучны на слова.
Знобит их, как ветку на сгибе,
Пред страшным паденьем с высот...
И, чувствуя скорую гибель,
Орет обезумевший скот.

* * *

Жизнь не меняется на свете:
Все так же пьют отцы и дети.
В любом тазу, вино любое.
И умирают от запоя.
Печальны здешние селенья
И мудрецы, и песнопенья,
И речь духовного отца
О наставлениях Творца
Не вызывает в них смиренья.
И с каждым годом люди тут
Все больше пьют.
Все больше пьют!..

иЮНь

Вокруг поля густые.
Высоки небеса.
Я еду по России.
Куда? Не знаю сам.
Мне весело и любо.
И мне лишь двадцать лет,
Лесов зеленых шубы
Готовы дать ночлег,
А может быть – деревни,
А может – города.
К какой-нибудь царевне
Заеду навсегда...
Все хрупко так и зыбко,
Как ранние хлеба.
Всего одна ошибка –
И сломана судьба.

У памятника

«Пушкин – наше все...»
A. Григорьев

Каждый кустик выстрижен...
Но не память плит:
Слишком громким выстрелом
Пушкин был убит!

Цепь златая... тусклая...
Вырвано звено...
Все святое, русское
Здесь погребено.

Золотая Страна

Золотому забору – привет!
Золотому асфальту – ура!
Не последнюю тысячу лет
На Руси так чудят мастера:
То алмазами крышу залют,
То свисток смастерят золотой,
То такой «забубенят» салют,
Что карманы звенят пустотой.
Но в России все злато – металл.
Знают пахарь, шахтер и купец:
Есть для всех уставной капитал –
Это золото русских сердец!

Перед Вечностью

Как багровеет солнечная цедра
Чулком сползая на закатный лес!
Горит вода и, проливаясь в недра,
Их наполняет волею небес.
Цвета гремят торжественно, басово.
И все деревья – словно в орденах.
И над Землей Божественное Слово
Вот-вот прольет Космический Монарх...

Между нами

Я из каменных лап городища
Как-то вырвавшись, лесом побrel.
Там ветра над макушками свищут
И не виден зловещий орел.
Там – на озере утки и цапли,
И рассеянный сторож-тальник.
Я шагнул – но прицельные капли
Полетели мне за воротник...
Ах, Россия! Холодного душа
Не хватало так в жизни моей:
Я напевов твоих не дослушал,
Не довидел лесов и полей.
Так хлещите ж, осенние ветры!
Поливайте дождем, облака!
Городские мои километры,
Недосыпы, вокзалы... пока!

Русский венок

Кольцо из осенней
прогорклой полыни
вручил херувим мне
в полночной долине.
Благой улетел,
может быть, насовсем.
Оставлен венок мне.
Не знаю зачем.
Он с жизнью веселой
моей был несходий.
Хранить его где же –
в гостиной, в прихожей?
И нету ответа
ни ночью, ни днем...
Вот так поселился
он в сердце моем.

Муниципальное учреждение
культуры
"Централизованная
библиотечная система"

* * *

Октябрь. Листва умирает
На ветках родных в вышине.
И словно автограф петляет,
Спускаясь в лесной тишине.

Прижавшись к земле отрешенной,
Охваченной мертвым огнем,
Не слышит, как шепчет студеный:
«Давай полежим и вспорхнем!»

Листва никогда не узнает,
Как точен Божественный ход:
Что молча сейчас умирает.
То с песней весной оживет.

Слово

Когда приходят дни пророчеств
И он не ест, не пьет, не спит,
Вдали от толп и одиночеств
Внимает Господу в степи.

Там богоизбранный Никитий*
Пьет первым будущности яд,
Пока прообразы событий
Кровоточат в нем и горят.

И хоть они болят поныне –
Как будто грудь полна углей...
Он Слово так из сердца вынет,
Чтоб не поранить им людей!

* Никитий – святой, изгоняющий бесов, покровитель младенцев

Поэт

Поэт – это должность такая,
Когда к тебе совесть людская
Течет из Вселенских просторов,
Не зная ни сна, ни заторов.
А с ней устремляются вместе
И страсти, и судьбы, и вести,
Эпохи, победы, ошибки
И стоны, и жалобы скрипки...

И, сердце пронзая теченьем,
Рождаются стихотвореньем!

Мама

Когда о матери рассказ,
То все, что лучшее есть в нас,
Само из сердца выплывает,
Все суетное отмется.
И образ матери родной
Живой встает передо мной.
Он словно в воздухе парит,
Внимает, но не говорит!

Победитель

1

В смятены дум свой край покинув,
(Известно всем, по чьей вине)
Он воевать поехал финнов
В чужой суровой стороне.

А через год, когда Европа
Упала навзничь... (Не впервый!)
Фашистов он встречал в окопах
Под танкорев и бомбовой.

В сияньи взрывов, солнц и славы
Он гнал врагов среди руин
От Ленинграда до Варшавы,
Брал Будапешт, потом – Берлин.

2

Когда ж, победный марш играя,
Ждала героев Русь моя,
На усмиренье самурая
Он ехал в дальние края.

В бою без правил, напоследок,
Он с пулей встретился и тут.
Но с Троекратною Победой!
Вернулся в свой поселок Труд.

Соломой крыта... Двор без тына...
Вбежал он сходу в Избу Ту!
Узнал солдат о смерти сына
И встретил гнет и нищету.

3

Так сорок лет он в окруженьи,
Забыв, что кончилась война.
(Всегда в хмельном воображеньи
Ему мерещилась она).

Сжимая голову руками,
Он что-то слезное мычал,
Потом, как дулами, зрачками
Вокруг мишени намечал,

Кричал соратникам сурово:
«Петров! Ильясов! Я на фланг».
И сквозь года и пули снова,
Не пригибаясь, шел на танк.

И под крылом родной застreichи
Он был Солдатом до конца.
А мне, как тяжкие доспехи,
Легла на грудь судьба отца.

* * *

После спирта с белым муссом
Столько бед намелено.
Человек лежит, как мусор,
На проспекте Ленина.
Не вздохнет, не шелохнется,
Чтоб поспорить с вьюжностью.
Ничего-то не добьется
Он своей ненужностью.
Он, конечно, не был трусом,
Выпив кружку спорную.
Путник с лицом Иисуса
Вызвал в полночь «Скорую».
Только он не понимает,
Что лежит в простирации,
Что живинка наполняет
Блок реанимации.

Зимняя поездка

Опять заманила деревня.
И в полночь слепая метель,
Остужно качая деревья,
Выводит то плач, то свирель.

Не спится... Так долго светает.
Вдруг вижу: ударив в стекло,
Пробилась Эвтерпа! Летает!
И чувства встают «на крыло».

Здесь воздух и цвет стал особым,
И речи – теплей городских,
И даже курносость сугробов
Похожа на холст или стих.

Кружит и кружит вдохновенье.
Великие дни и часы
Открыты, как Двери Спасенья,
В гармонию Вечной Красы!

Вечер

Город мой онебесен туманом.
На дорогах размяк гололед.
И звездой в этом мареве странном
Потихоньку машина плывет...
Побледнели рекламы в испуге...
Пешеходы бредут в облаках...
И теперь в нашей звездной округе
Можно небо носить на руках.

Гвоздь

Я – ржавый гвоздь с распятия Иисуса!
Мой грех велик. И мне прощенья нет.
Зачем ковал меня кузнец искусный?
Чтоб я Христа пронзил во цвете лет?

Я на Голгофе брошен был под ноги
И за века здесь повидал всего.
Вчера пилатов правнук, на дороге
Подняв меня, сказал: «Мы ждем Его!»

Лик

Когда сквозь мертвеннсть бумаги
Вдруг проступает лик Христа,
Рука лишается отваги
И гладь бумажная чиста.
Приходят новые мгновенья,
А с ними – Божьи письмена.
Но удаляются виденья
И ночь всевлавствует одна...
И утро где-то в полу шаге
Уже тревожит петухов.
И на нетронутой бумаге
Спят тени лика и стихов.

* * *

Реки молний,
Текущие полмгновения
И впадающие
В небеса,
Не рождают там
Наводнения,
А высекают из них
Голоса.

В громовом
Всекосмическом пении
Мир случайностей
Сразу исчез.
О великом небесном
Терпении
Говорят потрясенья
Небес.

О массах

Монастырь – антитеза тюрьмы.
Сталинизм его кельи разрушил –
Золото было нужно – не умы
И не светло-крылатые души.
И один человек над другим
Водрузил пирамиду насилия,
Чтоб ГУЛАГ, словно листья, срубил
Молодые и мощные крылья.
Опингвиненный русский народ,
Маршируя заводом, колхозом,
Шел куда-то вперед и вперед,
Словно кролик под сильным гипнозом,
Начал жить и творить на «авось»,
Не посмев даже пикнуть о многом.
Почему это массой звалось? –
Полубогу хотелось стать Богом!

Монолит

Великий душегуб
И грозный повелитель,
Хотя и был не глуп,
Но все же не мыслитель.
Как старый земледел,
Мешал с водою сушу –
Все вытрясти хотел
Он из народа душу.
И вытекла она,
А может, улетела...
Суть действия неясна.
Но опустело тело.
Народ сковал уста.
Запуганный не в меру,
Един стал, как плита...

На радость ЭСЭСЭСЭРу!

Маша

Она расстреливать любила.
И, по-мужски входя в экстаз,
Навскидку из нагана била,
Но попадала между глаз!
И оседали с каждой пулей
Кроваво-рваные снега,
И перепуганной косулей
Дрожала ближняя тайга.
Наган дымился, остывая,
Как вся горячка страшных лет...
И Маша – хрупкая, живая –
Потом бранила этот свет.
И горько плакала: «О, Боже!
Зачем наш век к нам так жесток?»
И словно годы подытожив,
Под ствол подставила висок...

Анна

Пока жила святая Анна
В селенье нашем за рекой,
Была удача постоянно,
Достаток, слава и покой.
Когда ушла в святые дали
Она, покорно сжав уста,
Село зачахло... И вспахали
Богоугодные места.
И позабыли стар и молод
Своей пророчицы наказ:
«Дотоль стоят село и город,
Пока святые есть меж вас».
И отреклися сестры-братья,
Хоть с ней молились день за днем,
И от распятия, и понятия,
Что мы за счет святых живем!

Девяностые...

Как пусто, как грустно в России!
Поля ее топчут и жгут.
Народ в ожиданье мессии
Считает остатки минут.
Проворная челюсть разрухи
Свела все хозяйства на нет.
Зачем за нас молят старухи?
И крестят, и плачут нам вслед?
А мы равнодушно уходим.
И сами не знаем – куда.
Такое безверье в народе,
Такая тоска и беда.

Золушка

На балу тебя
Больше не видели.
Позабыли твой
Голос и стать.
И правитель,
И добрые жители
Не желают
Тебя замечать.
А в бурьяне густом,
Под колодиной,
Напевают
Сверчки-простачки:
«Где же принц твой,
Забытая Родина?
Для кого ты
Хранишь башмачки?»

Еще живой

Нас жизнь ломает
зло и грубо,
Как бы случайно,
второпях...
Опять я встретил
русский рубль.
Он еле брел
на костылях.
И, дотащившись
до скамейки,
Он сел и горько
простонал:
«Эх, жизнь моя
бедней копейки!» –
И вмиг сознанье потерял.

Над разорившимся
профаном
Смеются янки,
prus, еврей
И клеют тело
целлофаном,
Чтоб он смирился
побыстрей.
А я, его
увидев раны,
Не смог характер
удержать:
Разрезал молча
доллар ...чванный,
Чтоб рубль им
забинтовать.

Неурожай

Веселья нет.
На улицах кручина.
Народ молчит.
Какая же причина?
И свой ответ
Нашли в газетах мы —
Неурожай
На светлые умы.

* * *

Российский пессимизм великолепен!
Нет без него ни слова, ни строки.
Его изобразил художник Репин
В «рыдающей» картине «Бурлаки».
Поэт его озвучил под гитары.
И он упал слезой в глубины душ.
Пройдя все кабаки и все базары
Он сделался любимейшим к тому ж.

У храма

Над разрушенным храмом
Рыдала гроза.
Торопились в убежища
Люди и кони.
А в избе
С каждой вспышкой
Сверкала слеза
И катилась по темной
Иконе.
То ли крыша дырявой
И старой была,
То ль святые
Не вынесли муки?
И сердца христиан
Выгорали дотла...
Преумножились
Вспышки и звуки.

А потом дождь пошел
Во всю мочь,
По карнизам и стеклам
Стал звякать.
И слезилась икона
Всю ночь,
Знать, хотела кого-то
Оплакать.
Было странное
Чувство вины
За святых,
За разбитые стены.
Будто в центре
Огромной и мудрой страны
Все погибло
От чьей-то измены.

Что дальше?

Эх, Россия! Не иначе
Кто-то сжег твои счета.
Люди спорят, кто богаче:
Голытьба иль нищета?
Делят тряпки. Пьют винице.
А едят, чтоб Бог пошлет.
И гадает люд притихший:
«...Вырожденье?.. Или взлет?»

* * *

Муха случайно попала в вино.
Билась, пыталась не кануть на дно.
Знанье и счастье искала она.
Участь другая была суждена.
Путь наш земной очевиден и прост –
Родичи муху снесли на погост.
Плакал тут слабый, а сильный – молчал.
Траурный ветер Россию качал!

Земля

*Мы любим природу за то, что
чаще всего неосознанно находим
в ней гармонию более высокого
ряда, чем в человеческом обществе*

Земля, как скатерть-самобранка,
Нас поит-кормит круглый год.
И наши бренные останки
За нами молча уберет.
Жизнь на минорный лад настроит –
Трава забвения – рasti!
Родных и близких успокоит –
Другого нету вам пути.
И снова скатерть расстилает...
Прозрел? Молитву вознеси!
Блажен, кто Землю понимает –
И в том спасение Руси!

В темноте

Солнце умерло как-то нежданно.
Даже в колокол дьяк не звонил.
На деревню перстом окаянным
Темнота навалилась
Из всех своих сил.
Давит долго.
Упорно.
С надсадом.
Скоро душу и мысли сомнет.
И я мучаюсь: «Что же ей надо?
И когда уберут этот гнет?»
А деревья все тише, все ниже,
Беспространность – сильней и вольней...
Хоть лица темноты я не вижу,
Все равно не поддамся я ей!

Русский воздух

(Аллегория)

Без грозы свободы не бывает.
Воздух душен. Все устало жить.
Но внезапно молния стреляет.
И пошло – баахать и крушить!

Шквал промчался дикий и холодный.
Жизнь воскресла!
Это ли не сон?
Да, – в природе дышится свободно.
Пусть подольше царствует озон.

Идеализм

Увы! На станции Свобода
Нет ни вокзала, ни народа,
Ни часовых, ни матерка,
Ни огонька, ни ветерка.
Нет ни ограды, ни ворот.
Там никого никто не ждет.
Так вот.

В безжизненность идей
Нельзя бросать живых людей!

Солнце

Что ж ты такой неприкаянный,
Русский крещенный народ?
Или опять злые кайны
Взяли тебя в оборот?
Нет тебе долюшки-счаствия,
Все перекрыты пути...
Верь: генералов ненастия
Солнце заставит уйти!

* * *

Россия! – Молитва моя,
Прибежище дум и сомненья,
Да будут пресветлы края
И дух твой, и день воскресенья!
Не жаль положить на алтарь
Талант и могучие силы.
И верить, как пращуры встарь,
Что выживут дети России.

Друзьям

К нам приходила Чистота Вселенной
И, сев на краешек стола в полночный час,
Полупразначной, строгою Селеною
Смотрела в душу каждому из нас.
Мы были юны... Время позволяло.
Метались чувства, сердце захватив.
Исповедальность, светлые начала
Для нас реальность были, а не миф.
Потом, встречаясь редко – (много дела!)
Я замечал (ваш взгляд с моим был схож):
Как Чистота Вселенной в нас тускнела...
Но иногда отсвечивала все ж

* * *

Не страдающий добротой,
Отчего ты такой крутой?
Не стого ль, что не верил ты
В свет Божественной прямоты?
Не стого ль, что не внял всерьез
Правоте материнских слез?
И теперь даже волк любой –
Только шавка перед тобой.
Грозный лев, крокодил и удав
Содрогнуться, тебя увидав.
Ведь запасы твоих батарей
Превосходят число зверей.

После отъезда

Мой злейший друг вчера уехал,
И стала комната пуста.
Но неуехавшее эхо
Со мной осталось неспроста.
Оно следит, оно внимает
И, добавляя в звуки яд,
Всегда, шипя, напоминает,
Что стены – тоже говорят.

* * *

В горький день непредвиденной лжи
Иль прощанья навек с земляками –
В лес приди, грудь к земле приложи
И с души будто свалится камень.
И когда лес всю боль переймет,
Воздух станет горячим и мглистым,
Дрожь волнами но телу пройдет,
По траве, по воде и по листьям
И утихнет неслышимый крик
Присмиревшей беды человечьей.
Только скрытое пламя в тот миг
Выжжет напрочь твое красноречье.
И неловко очки теребя,
Будешь долго стоять, размышляя,
Что теперь понимает тебя
Только эта природа большая.

Повороты

Трамвай скрипит.
Трамвай почти рыдает!
Ужель уставшее
Железо умирает?

Но вот выходит
Он из поворота.
Скрип облегчения...
И снова жить охота!

Спрут

О, говорящий глаз прогресса!
Лукавый, праздный, алчный глаз!
Незримым, мощным когтем беса
Ты впился в каждого из нас.
И застит все экрана вспышка,
Бахвался множеством программ.
И выше церкви телевышка,
И благовест не слышен нам.

Озера

В отрогах родного простора,
От шахт и заводов вдали,
Сверкают на солнце озера –
Отдушины русской земли.
Здесь нет ненавистного цвета,
Которым больны города.
Всегда – от зари до рассвета:
Тайга! Небеса! И Вода!
А после – кто в цехи, кто – в шахты,
Те – выживут, эти – умрут.
Их души Небесные Вахты
Навечно к озерам свезут.

Ловец

А водичка-то любит дышать
И резвиться в лесу, как ребенок!
Ну попробуй шалунью поймать
При луне средь травы и сосенок.
То шепнет вам, то зыркнет глазком!
Мистицизм в каждом жесте и слове.
Даже лис хитроумным броском
Те игривые блики не словит.

Оттого-то один господин,
Что в костюме надумал купаться,
Заманил двух русалок в графин
И так долго изволил смеяться.
Но они ускользнули опять...
За водой он пустился вприпрыжку.
И в азарте стал громко кричать,
Превращаясь в смешного мальчишку.

А наутро – другая вода –
Без русалок. И дальпротрезвела.
И поймала в свои невода
Всю Россию...
Легко и умело.

Испытание

Бесстрашный к штыкам оголтелым,
Унесшим Гражданскую прочь,
Спасти Человечество в целом
Хотел он на Троицу, в ночь.

А ветер то рвал, то крутился.
Текла под ногами трава.
По кладбищу шорох мышился
И низко летала сова.

Луница светила так яро,
Так жутко смотрела в глаза,
Но только в душе комиссара
Своя бушевала гроза.

И он, изрекавший: «Нет Бога!
А демон... пустой идеал!»
Пред этой последней дорогой
Со знаменем красным стоял.

Мигнув комсомольской ватаге,
Он понял присутствие сил –
Двенадцать! И с твердостью в шаге
На кладбище сразу ступил.

Одежда на нем распахнулась.
Недолго ей быть на лету –
Дорога пришла и уткнулась
В колени святому Христу.

Он вынул каленые гвозди.
Потом молоток раздобыл.
Но облак! – черемушной гроздью
Луну ненадолго закрыл.

Во тьме, спотыкаясь руками
О выступы древних могил.
Он знамя, причастное к драме,
К кресту прислонил и прибил.

Свершилось!
Луна воззарилась.
«Глядите же все! – он кричал, –
Со мной ничего не случилось!»
К ватаге шагнул. И упал.

Они закричали, как в рупор.
Но в цель не попал их галдеж.
Умолкли. Пошли. И над трупом
В сердца им ударила дрожь:

Как страхом лицо исказило!..
Смотрел комиссар в облака...
А древко с неистовой силой
Вцепилось в полу пиджака.

И тайно в родном «Красносельском»,
Где столько посеяно зла,
Партийца с разорванным сердцем
Ячейка в райком занесла.

Сравнялось ему ...девятнадцать.
Все знали: безумно горяч!
Но некуда было деваться –
Кругом развивался кумач.

Наутро гримасный и бледный,
Лежал он на красном сукне.
А черное солнце победно
Вставало в заблудшой стране.

Совесть

Белый снег мой! Не в черные ль ночи
Люди выгнали совесть свою,
Чтоб страдания стали короче
В нашем русском суровом краю?
Только всякая встречная скука,
Утомясь от угрюмых идей,
Будет вслед ей теперь улюлюкать
И толкать на пороки людей.
И она, обезумев от боли,
Перестанет людей понимать,
И затихнет в заснеженном поле,
Как тепла не нашедшая мать.

В аптеке

При боли в желудке и бледности
Прошу я, согнувшись в дугу:
«Ну дайте таблетку от бедности!
Больше так жить не могу!»
Но мне фармацевт отвечает:
«Ах, вы обратились не к тем!
На улице вам полегчает.
Идите!..
Идите совсем!»

Годовщина

Чечня разделила
Всех признанных вместе:
Счастливцам – награда,
Талантливым – чин,
(Дельцам – миллиарды!)
А скорбный «Груз 200»
В канун годовщины
Отец получил.

Природное чутьё

Я брел в тоске
Меж гаснущих
Растений –
Мои творенья
Час назад сочли
Пустыми...
Но тут в пакет
Попал листок
Осенний.
И рукописи
Стали
Золотыми!

* * *

Серый крик
Этих уток осенних
И печаль,
Что за ними летит,
Рассекут
Безмятежность селений
И природы
Желтеющий щит.

И в урманы
Закатится лето.
Но его
Холодами убьет.
И охапки
Замерзшего света
Осень кинет на пруд,
Словно лед.

Избушка

Совенок. Кошка.
Бабка-ежка.
Метла надраена
До блеска.
И только в прошлое
Окошко,
И над грядущим
Занавеска.
И вся ее немая
Утварь,
Как закодировано
В генах,
Вдруг оживет однажды
Утром...
Заговорит...

И кровь застынет
В наших венах

В углу

Только выглянешь из дому,
Раз и – криминал:
Переходишь дорогу мафии.

Повернешь налево –
Криминал – 2:
Изменяешь жене.

Повернешь направо –
Криминал – 3:
Заметаешь следы преступления.

Вернешься домой,
Забьешься в угол –
Криминал – 4:
Прикидываешься невиновным...

А этого не может быть!

Выращивание щенков

Сердились взрослые и дети,
Едва вбежал в квартиру Туз.
Он, как сородич, был в ответе
За шалость, дерзость иль конфуз.
Щенка всегда дразнили стеком,
За хвост его таскала мать:
«Когда ж ты станешь... человеком?!

Когда начнешь все понимать?»
Вдолбить все четверо старались –
Ведь их питомец, как-никак.
И через год они сравнялись –
В квартире стало... пять собак!

Дипломатия

Долго по будням
Скрипели мне двери:
«Жизнь – безнадега! –
Сплошные потери».

Тут бы от горя
И чокнуться впору.
Только я чудом
С души сдвинул гору.

И выходные
Осолнечил сразу,
Петли скрипучие
Маслицем смазал,
Вымостил камнем
Все подступы к дому.
Счастье, входи!
Мы готовы к приему.

Красота

По весне встретил девушку ту.
Вся – от шпилек до пят – словно сказка!
Я поверил в ее красоту.
Оказалось, что это – раскраска.

К нам в июне на пляж занесло
Незнакомку – во всем Нефертити!
Я шагнул к ней, забыв про весло.
Но сказала она: «Извините!»

И пока пролетали года,
Шлифовал я и жесты, и речи,
И по моде одетый всегда,
Был готов для решающей встречи.

Все ищу, все ловлю Красоту,
Словно так предназначено свыше.
Но все время встречаю... не ту!
...Вот опять на свидание вышел.

Попутчица

В окне природа словно в раме –
Озера, сосны, иван-чай.
Но я любуюсь только вами
И лгу себе, что невзначай.
С утра вас книга занимает,
Конечно, это не роман.
Но подан чай. Народ вкушает.
Без ложки скучен мой стакан.
Что склонны к легким приключеньям,
Теперь могу сказать вполне:
Очаровательным движеньем
Вы подаете ложку мне.
Беру – и словно в грудь иголка
Летит, остра и горяча.
Храбрюсь я: «Это ненадолго!»
Пытаюсь пить спокойно чай.
И не смотрю на ваши ножки,
На стан, на чудо юных глаз.
Но так касаюсь вашей ложки,
Как будто я целую вас!

В ту ночь

В сентябре к нам вернулась весна,
Как преддверие бабьего лета.
Ей всего только ночка одна
Отпускалась Всевышним на это.
Жаль, в лесу было некому петь –
Охладели пичуги к руладам,
Но зато полнолунная медь
И светила, и двигалась рядом.
Воздух был облегченным – без туч,
И звенел, как хрусталь на изломе,
И звезда, завернувшись в свой луч,
Улеглась почивать на соломе...
Шли последние страдные дни.
И об отдыхе думалось полю.
А из хат удальные огни,
Словно соколы, рвались на волю.
И в ту ночь мы сбежали от сна,
Заблудились, влюбились некстати...

Нас под утро, настигнув, весна
Принакрыла соломенным платьем.

В сентябре к нам вернулась она,
Как преддверие бабьего лета.
Ей всего только ночка одна
Отпускалась Всевышним на это.

Аллегория

Ботинок к туфельке прижался.
Свела их жизни толчея.
И воспыпал. И размечтался.
Давай нашептывать: «Ты чья?»
Но тут трамвай остановился.
Она стрелою унеслась.
А он... на землю опустился,
Где были сумерки и грязь.
«Зачем о туфельке изволишь
Мечтать? – скрипел он в полумгле, –
Не забывай, что ты всего лишь
Башмак, придавленный к земле!»

Дефиле

На подиум
Вооруженных Сил Красоты
Вышла она,
«Мисс Аэрофлота».
Когда осмысленность
Схлынула с моего лица,
Я почувствовал –
Это не конкурс,
А просто охота
На беззащитные
Мужские
Сердца.

* * *

Будь ко мне теплее хоть на градус.
Будь ко мне поближе хоть на шаг.
Ты – моя единственная радость,
Луч надежды, разорвавший мрак.
В Дон-Жуана вовсе не играю,
Часто забываясь наяву:
Номер телефона набираю
И пока мы слышимся – живу!
А когда твой голос стихнет в трубке,
Сразу начинается чума:
Пробивной, отчаянный, нехрупкий
Без тебя стою, как без ума.

* * *

Моей Т.Ф.

Я по звездам твой облик искал,
Днем хмелел от любви и отваги.
И ручей мне надежду давал,
Соловьем заливаясь в овраге.
А потом бушевали цветы:
«Скоро мы эту Землю обрящем!..
Ощущенье твоей красоты
Я ловил в аромате пьянящем.
И мы встретились в старом саду.
Августело сибирское лето.
И тебя, как живую звезду,
Я воспринял всем сердцем поэта.
Я тобой восхищаюсь и чту
Провиденья счастливую долю.
И оспорить твою красоту
Я теперь никому не позволю!

Портрет

Доныне помнит эту дату,
Как шла впервые по Арбату.

А там – художники, поэты,
Торговля, бойкие куплеты,

Фонтан, скульптура, «Звездный след»...
Что ж взять на память?..

Свой портрет!

И так с художницей творила:
«Вот здесь подправьте, – говорила, –

Здесь округлите. Здесь убавьте.
Лучиться плоть мою заставьте!»

Когда совсем не стало слов,
Портрет, конечно, был готов.

Он так понравился самой,
Что нежно вырвалось: «До-мой!»

Портрет супруга восхитил.
Он полчаса предмет крутил.

Бледнел. Краснел. Вставал. Садился.
Слезой восторга насладился!

И наконец спросил: «Родная,
Кто эта фея неземная?！」

* * *

Плакать надо красиво!
Плакать надо с талантом!
Чтоб за слезное диво
Заплатили брильянтом!

Чтобы все содрогнулись
И вблизи, и далече,
Чтоб от горя замкнулись
Их улыбки и речи.

Ну, а если поникнешь
Под наветом коварным,
То чего ты достигнешь
Плачом горьким... бездарным!?

Туман

Билетер, задержите туман!
Он один безбилетный и мутный,
Посекундно являя обман,
Липнет к каждой машине попутной.

Встал автобус. Не видно ни зги.
Чу! Шофер покидает кабину...
И выходит туман у тайги,
Невзначай опершись на рябину.

Билетер! Вам не выполнить план:
Вы глядите с таким интересом,
Как степенно бродяга-туман,
Удаляясь, сливается с лесом.

Одиночество

Ветер ухватился за деревья.
Тучи день надвинул на глаза.
Как с плеча коса тугая, девья,
С неба тяжко рухнула гроза.

И куда тот ветер укатился?
Где гроза, летящая петлей?
Дождь, чуть-чуть поплакав, удалился.
Никого меж Небом и Землей.

Росток

Я – колос скорби.
Я – голос гнева.
Во мне все русское
Глубокого посева.
Я долго к свету
Шел сквозь лишенья.
И вот пробился...
Седой с рождения!

Осиянный

Кто-то черные волосы ночи
Пересыпал мерцанием звезд.
И луна, как праматерь пророчиц,
Поднялась на невидимый мост.

И, маня сокровенным посулом
Исполненя грядущих чудес,
Любовалась моим Барнаулом,
Как возлюбленным чадом небес.

И пока под Божественным взором
Город верил в любовь и покой,
Все сиял над Покровским собором
Тонким диском венец золотой.

* * *

В домах и в природе,
В подвалах и шахтах,
И в дальнем углу
Был свет отовсюду.
Сияла предтеча
Великого Блага.
К нам кто-то
Нетленный
Стремился прийти.
И не было это
Ни сном, ни виденьем,
А тонким прозрением
Ждущей души

* * *

Отечества ведь нет
У нищего народа –
Не смеют разорять
Отцы своих детей.
Так кто ж нам объяснит:
Тут – шлюха иль Свобода,
Накрасившись, стоит
На рынке скоростей?

Видение

Как глубоко промерзли руки!
И ноги точно «в хрустале».
И ни одной души в округе,
А может, и на всей Земле.
Но почему я так спокоен?
Ведь стынут мысли и слова.
Как звон с печальных колоколен,
Моя упала голова.

Возвращение

Родина и мной переболеет,
Как всегда, в последний день утрат.
Тень сгустится в рощах и аллеях
И сердца засыпет листопад...
А весной они очнутся сами...
Ветры тучи повернут на Русь.
И тогда, простиившись с небесами,
Я дождинкой теплой к ней вернусь

Содержание

Об авторе	3
Откровение боли	4
Равновесие	5
«О, Россия!...»	6
Молитва Черемухи	7
Перед распадом детства	8
«Широкое лето степное...»	10
«Жизнь не меняется на свете...»	11
иЮНЬ	12
У памятника	13
Золотая страна	14
Перед Вечностью	15
Между нами	16
Русский венок	17
«Октябрь. Листва умирает...»	18
Слово	19
Поэт	20
Мама	21
Победитель	22
«После спирта с белым муссом...»	24
Зимняя поездка	25
Вечер	26
Гвоздь	27
Лик	28
«Реки молний...»	29
О массах	30
Монолит	31
Маша	32
Анна	33
Девяностые...	34

Золушка	35
Еще живой	36
Неурожай	38
«Российский пессимизм...»	39
У храма	40
Что дальше?	42
«Муха случайно..»	43
Земля	44
В темноте	45
Русский воздух	46
Идеализм	47
Солнце	48
«Россия...»	49
Друзьям	50
«Не страдающий добротой...»	51
После отъезда	52
«В горький день..»	53
Повороты	54
Спрут	55
Озера	56
Ловец	57
Испытание	58
Совесть	61
В аптеке	62
Годовщина	63
Природное чутье	64
«Серый крик...»	65
Избушка	66
В углу	67
Выращивание щенков	68
Дипломатия	69
Красота	70
Попутчица	71

В ту ночь	72
Аллегория	74
Дефиле	75
«Будь ко мне теплее...»	76
«Я по звездам...»	77
Портрет	78
«Плакать надо красиво...»	80
Туман	81
Одиночество	82
Росток	83
Осиянный	84
«В домах и в природе...»	85
«Отечества ведь нет...»	86
Видение	87
Возвращение	88

Книга издана на средства автора

Редактор С. Клюшников

Евгений Анатольевич Ермаков
РУССКИЙ ВЕНОК
Стихи

Верстка О. Полотнянко
Оформление А. Карпов

Подписано в печать 31.08.06 г. Формат 60x84¹/₃₂.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,67. Тираж 1000 экз. Заказ 1615.

Отпечатано ООО «А.Р.Т. – Агентство рекламных
технологий», Барнаул, Ползунова, 34-а, тел. 63-22-31

Муниципальное учреждение
культуры
"Централизованная
библиотечная система"

